

РИМСКАЯ ПОЛИТИКА В СЕВЕРНОМ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В СЕРЕДИНЕ I в. н.э.

Н.И. Винокуров*, С.М. Крыкин**

**Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия*
vinokurovn@list.ru

***Московский городской педагогический университет, Москва, Россия*
smkrykin@mail.ru

Аннотация. Середина 40-х г. I в. н.э. в римской истории отмечена несколькими интересными событиями. Царство фракийцев стало римской провинцией. В Крыму высадились римские войска и участвовали в свержении законного царя Боспора. Правителями Фракии и Боспора оказались родственники и вели они себя похоже. Как представляется, между двумя акциями римлян в Причерноморье существовала тесная взаимосвязь.

Общество фракийцев развивалось на Балканах параллельно и одновременно с античной эллинской цивилизацией. В понимании полисных греков фракийцы были варварами. Спустя века ученые-историки объявляли Фракию частью первобытной периферии передового античного мира, отсталой областью с людьми грубых нравов, воинственными разбойниками. Новейшие исследования территорий скифов и гуннов доказывают, что некоторые народы древности (и потом средневековья) могли существовать по иным правилам и принципам. Их общества, поселения, экономика, система ценностей были иными, не похожими на греческие или римские типажи.

Экономика древней Фракии базировалась на сельском хозяйстве, в котором развитие скотоводства компенсировало относительную слабость экстенсивного земледелия. Такая экономика не могла стать рыночной и ограничивала демографические ресурсы фракийского общества. Побочными промыслами вынужденно являлись разбой, война, наемничество.

Ключевые слова: Рим, Боспор, Фракия, боспоро-римская война

В конце 30-х гг. I в. н.э. после временной стабилизации политической и военной ситуации на северо-западе Причерноморья произошли события, которые охватили не только земли, населенные европейскими фракийцами, но и другие территории, где уже давно находились выходцы из Фракии. Эти события связаны с военным подавлением Римским государством ряда восстаний европейских

Винокуров Николай Игоревич – доктор исторических наук, профессор Московского педагогического государственного университета, зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков им. проф. В.Ф. Семенова МПГУ.

Крыкин Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент Московского городского педагогического университета.

фракийцев, сопровождавшихся ожесточенной борьбой различных кланов и группировок знати, приближенных к трону фракийских государей. Синхронно с этими событиями обострилась ситуация и на северо-востоке, на Боспоре; она привела к многолетней боспоро-римской войне 45/46–49 гг. По всей видимости, среди боспорских должностных лиц и ближайших родственников боспорского царя Митридата III разгорелось противостояние двух партий: проримской и антиримской. По сути, речь шла о выборе дальнейшего пути развития боспорской государственности, а именно самостоятельного курса, вместе с союзниками из могущественных варварских племен, который неизбежно привел бы Боспор к очередному столкновению с римлянами. Иначе же – жить в фарватере римской политики, которая базировалась на принципе «разделяй и властвуй» и означала утверждение за Боспором союзнических функций Риму, когда Боспор становился проводником римской воли в Северном Причерноморье, форпостом римлян в бескрайнем варварском море. Открытое противостояние Риму, стремившемуся поставить под жесткий контроль лесостепные зоны в бассейне Черного моря¹, представлялось для боспорской проримской партии чрезвычайно опасным. Столкновение с непобедимыми римскими войсками грозило Боспору несомненным поражением. Но это, тем не менее, предполагалось. Возможно, что именно при Митридате Евпаторе на Боспоре резко увеличилось количество фракийских наемников. Видимо, они на Боспоре стали военными поселенцами, которые были не только опорой Митридата в различных военных предприятиях, но и являлись в боспорской греко-иранской среде стержнем антиримской политики, так как целиком зависели от милости центральной власти и были полностью ей обязаны своим материальным положением. Вряд ли при этом старая родовитая боспорская аристократия видела в новой фракийской военной элите, приближенной к царскому трону, своих союзников. Фракийские наемники, как показывают материалы раскопок городища Артезиан, могли быть расселены на царских землях в ключевых боспорских крепостях и прикрывали самые важные коммуникации и стратегически значимые высоты. Такие крепости контролировали обширные территориальные зоны, плотно населенные, с лучшими на европейском Боспоре землями, наиболее урожайными, достаточно обеспеченными и другими ресурсами, прежде всего, водой, лесом, строительными материалами, необходимыми пространствами для коневодства и придомного животноводства. Скорее всего, фракийские переселенцы на царских землях должны были в некоторой степени заместить прежнее боспорское податное население преимущественно эллинско-иранского происхождения. Вспоминается при этом, что еще в конце IV в. до н.э. царям Боспора служили 2 тыс. фракийских наемников-пельтастов (Diod. XX, 22–25) и часть из них осталась там жить, обретя как бы новую родину². Фракийская инфильтрация продолжалась несколько столетий и должна была сформировать устойчивый фракийский этнокультурный субстрат.

Когда в 39 г. н.э. Митридат III, внук Митридата Великого, сын царя Аспурга, наследовал на Боспоре трон своей матери, фракийской царевны Гепеирии, на Боспоре, в важнейшей части Северного Причерноморья, произошло укрепление антиримской партии³. Новый царь начал проводить определенно выраженную само-

¹ Блаватский 1973, 228–230; Буйских 1991, 130–132.

² Крыкин 2015, 57–66.

³ Щукин 1994, 204.

стоятельную линию. Недвусмысленная демонстрация намерений царя отразилась на боспорской государственной эмиссии. Легенда и внешний вид царских монет прославляет величие имени Митридата и показывает его стремление вести независимую политику,⁴ которую можно считать прямым вызовом Риму. Так, на золотых статерах Митридата III, где на аверсе был помещен портрет Калигулы, на реверсе чеканилась фигурка богини победы Ники с надписью по кругу ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ⁵, а на медных монетах – изображения палицы Геракла и трезубца Посейдона Митридата, которые должны были подчеркнуть связь боспорского царя Митридата III с великим понтийским царем Митридатом VI Евпатором и его фракийское происхождение по матери Гепепирис⁶. Но годом ранее император Гай Калигула даровал царскую власть на Боспоре и Понте Полемону II, поэтому царские права Митридата III вряд ли могли быть утвержденными Римом. Только в 41 г. Клавдий отменил постановления Калигулы и дал Полемону вместо Боспора родовую вотчину Полемонидов в Киликии (Cass. Dio. 60. 8. 2)⁷. На аверсе редких статов Митридата III, выпущенных в 41/42 г. н.э. (известно лишь два экземпляра), изображена голова Клавдия⁸. Но в медных эмиссиях Митридата на аверсах демонстрировались образы его или его матери Гепепирис (позднее ее образ отражен и на меди Котиса I) с царской символикой⁹ и ничего проримского. М.Б. Щукин предположил наличие некоего «боспоро-фракийского заговора» (речь шла о контроле значительной части побережья Понта в традиции Митридата Евпатора), подавленного римлянами двумя ударами: сначала в 45 г. экспедицией в Пантикапей, затем в 46 г. возвращением их базовых сил назад в Мезию с целью усмирения и аннексии Фракии.

Единственная найденная на территории Горгииппии надпись с именем Митридата¹⁰, датированная октябрём 41 г. н.э., содержит новую формулу титулатуры Митридата III: в ней вместо обычной формулы φίλορώμαιος και φίλόκαισαρ («друг римлян и друг Цезаря») боспорский царь назван φίλοσυμμαχων και φίλοάτριδος («друг союзников и друг отечества»)¹¹. Второй эпитет титулатуры Митридата φίλοάτρις («друг отечества»)¹² свидетельствует о его стремлении к независимости и намерении вывести Боспор из-под протектората римлян, сохраняя при этом дружественные отношения с Империей. В проведении своей независимой политики Митридат был намерен опираться на варварские племена Нижнего Подонья и Северного Кавказа, а также, возможно, на союз с Ольвией¹³. Эпиграфический источник¹⁴ будто бы свидетельствует о том, что в боспоро-римской войне 45–49 гг. н.э. Ольвия поддерживала не Котиса, а Митридата III, но эта точка зре-

⁴ Фролова 1997, 83.

⁵ Фролова 1997, 206–207, табл. XVII, 20–22.

⁶ Фролова 1997, 82.

⁷ Абрамзон, Винокуров, Трейстер 2012, 127–128.

⁸ Фролова 1997, 207, табл. XVII, 23–25.

⁹ Гайдукевич 1949, 326; Щукин 1994, 205.

¹⁰ КБН 1965, №1123.

¹¹ Фролова 1997, 83–84.

¹² IOSPE 1916, №38.

¹³ Фролова 1997, 84; Абрамзон, Винокуров, Трейстер 2012, 127–128.

¹⁴ IOSPE 1916, №38.

ния¹⁵ не получила полного признания¹⁶. По С.Б. Буйских¹⁷, римское влияние в Ольвии обозначилось новой эрой с 46 г., тогда как поход Дида Галла на Боспор он предполагал еще в 44–45 гг. Вынуждены заметить, что в упомянутой надписи эпитет «друг отечества» символизировал почтение ольвиополитами все же именно Митридата, но это могло быть до вторжения римлян, то есть в диапазоне 41–44 гг., пока Котиса вообще не было на политической арене. Около Ольвии открыты два римских походных лагеря середины I в. н.э.¹⁸ – их склонны, правда, относить ко времени похода войск под началом Тиберия Плавтия Сильвана Элиана к Херсонесу из Мезии примерно в 62 г. В самой Ольвии появляется вексилляция Первого Итальянского легиона (созданного Нероном 20 сентября 67 г. – Suet. Nero, 19; Cass. Dio. IX, 24, 2), а потому и сооружение укрепительных рубежей близ Ольвии справедливее датировать примерно этим временем¹⁹. И тем не менее С.Б. Буйских²⁰ предположил возможность пребывания близ Ольвии «небольших групп римских, вероятно, фракийских, наемников в первой половине I в. н.э.». Позднесоветские специалисты решились пересмотреть ряд датировок в корпусе В.В. Латышева в сторону их удревнения. Так, по С.Б. Буйских²¹, в Ольвии будто бы во второй половине I в. скончался боспорит Марк Ульпий Парфенокл²² – на Боспоре он воевал со скифами²³ и был наместником царской резиденции²⁴. Римские войска могли появиться в Ольвии после акции Тиберия Плавтия Сильвана Элиана и при Траяне, и при Адриане, и (уж точно!) при Антонине Пии²⁵. Вероятный фрагмент votivного посвящения кельтиберийскому [Deo Sanc]to Porobono²⁶ был нами датирован временем Адриана, и не решимся дать датировку ранее.

В 1983 г. в Тире (в присутствии одного из авторов этой статьи) в кладке последней трети I в. был открыт фрагмент мраморного надгробия с изображением кельтского воина²⁷. И.Б. Клейман²⁸ усомнился в принадлежности памятника римскому бойцу и предположил воина Митридата Евпатора, но без уверенности. Исследователи Тире²⁹ предполагали использование на службе Риму фракийских племенных формирований во главе с римскими офицерами или местными вождями. Полисы Северо-Западного Причерноморья будто бы могли охраняться до прибытия римских войск даже гарнизонами независимой до времени Фракии, но тому нет доказательств.

¹⁵ Карышковский 1982, 24–26.

¹⁶ Буйских 1991, 130.

¹⁷ Буйских 1991, 120 и сл.

¹⁸ Козленко 2015, 29–33; Буйских 1991, 130.

¹⁹ Буйских 1991, 114, 132.

²⁰ Буйских 1991, 129.

²¹ Буйских 1991, 132.

²² IUSPE 1916, №203 – первой половины II в. – налицо nomina gentile Траяна.

²³ КБН 1965, №32 – рубеж I–II вв.

²⁴ КБН 1965, №628 – рубеж I–II вв.

²⁵ Буйских 1991, 133–135.

²⁶ Крыкин 1992, 140–147.

²⁷ Карышковский, Клейман 1985, рис. 27.

²⁸ Клейман 1987, 46–52.

²⁹ Карышковский, Клейман 1985, 94 и сл.

В.В. Латышев [IOSPE № 223: Διζάζελμις Σεύθου ἡγεμόν Διζύρων χαίρε] отнес надгробие фракийского вождя в Ольвии ко II–III вв. С.Б. Буйских³⁰ определил этот отряд фракийцев как дополнение к силам римских вексиляций из придунайских легионов и *auxilia*. Но Ю.Г. Виноградов³¹ предложил отнести этот памятник ко времени Митридата Евпатора. Мы вынуждены также признать наиболее вероятным утверждение Ю.Г. Виноградова³², что фракийские *numeri* не могли служить как римские *auxilia*. В 6–9 гг. местные формирования поддержали антиримские восстания в Далмации и Паннонии. А в 20-е гг. I в. н.э. это дважды состоялось во Фракии, при этом вторым важным поводом для начала второго, более мощного, восстания послужило нарушение римскими властями принципа племенного набора воинов себе на службу (Тас. Апп. IV, 46).

По мнению же В.А. Анохина³³, в Херсонесе в 47 г. были выпущены золотые статеры с изображением божества Херсонас и Девы с луком и копьем как знак участия в кампании против Митридата, а позднее медные монеты с Никой с пальмовой ветвью на реверсе в знак победы в ней.

Рассказ о низложении Митридата III и воцарении Котиса I содержался в утраченной книге «Анналов» Тацита. Однако XII книга «Анналов» содержит подробное описание финального хода военных действий (Тас. Апп. XII. 15–21). События боспоро-римской войны по возможности реконструированы³⁴. После того как свободолюбивые намерения Митридата стали известны Клавдию (отправленный в Рим брат царя Котис выдал его вероятные планы), будто бы в 45 г. н.э. на Боспор были отправлены римские войска под командованием наместника Мезии Авла Дидия Галла. Считается, что легат этой провинции, возглавивший римское военное подкрепление младшему брату боспорского царя Котису, прибыл на Боспор морским путем. Римские военные корабли могли продвигаться по хорошо известному маршруту – от Нижнего Дуная до Южного Поднепровья (или Нижнего Побужья) и далее вдоль южного побережья Крыма до Боспора. Это была якобы первая римская военная операция в Северном Причерноморье (хотя высказывались предположения о попытках римлян оказать военную поддержку Полемону II для утверждения его на Боспоре³⁵) с участием военного флота и сухопутных соединений, дислоцировавшихся в римской Мезии. Тут же добавим, что В.А. Горончаровский³⁶ приводит сведения о возможной военно-морской операции Агриппы около 15 г. до н.э. при участии флота Ирода (Jos. Fl. Ant. XVI, 2, 2) в Европейской части Боспора для свержения неугодного Риму правителя Скрибония.

Тем не менее, пока царствовал Митридат III, продолжателем антиримского дела Митридата Евпатора Диониса и его прямой наследник, противникам правящего династа внутри Боспора пришлось сделать ставку на совсем юного брата царя – Котиса, сразу же поддержанного извне римлянами. Таким образом, с помощью римлян на престоле утвердился Котис I. Нумизматические источники подтверж-

³⁰ Буйских 1991, 135.

³¹ Vinogradov 1987, 67–68.

³² Крыкин 1993, 56–57, 257.

³³ Анохин 1977, 77, 149–150, №№ 215 и 219–222.

³⁴ Абрамзон, Винокуров, Трейстер 2012, 127–128.

³⁵ Зубарь 1994, 18.

³⁶ Горончаровский 2005, 26–27.

дали, что конец правления Митридата III на Боспоре определяется, по-видимому, 45 г. н.э.: именно в этом году началась чеканка золотых монет его брата и противника Котиса I с датой ВМТ (342 г. б.э. = 45 г. н.э.) и с монограммой ВАК³⁷. Найденные в Пантикапее клады 1877 и 1879 гг., полностью состоявшие только из монет Митридата III, связаны, скорее всего, с самым началом боспоро-римской войны. Возможно, этому же времени принадлежит находка в 1894 г. в некрополе Пантикапея италийской геммы вместе с монетой Тиберия и индикацией с монеты Митридата III³⁸. Присутствие такой индикации явно свидетельствует о захоронении сторонника Митридата, а не Котиса (заключение М.Г. Абрамзона³⁹). Наиболее обстоятельно среди исследователей боспоро-римской войны к теме подошел В.М. Зубарь⁴⁰. Традиционно считалось, что в 45 г. римские войска привел Авл Дидий Галл, легат Мезии, но в событиях приняли участие и римские войска, прежде расквартированные в Малой Азии. После свержения Митридата, сторонники которого, похоже, помешали воцарению до него римского ставленника Полемона II, главные силы римлян ушли, и позднее вновь пожелавшему бороться за престол Митридату противодействовали, кроме сторонников Котиса, вспомогательные когорты под началом всадника Г. Юлия Аквилы. Судя по надписи А. Дидия Галла в Олимпии (СІІІ, 7247, 12278), он воевал на Боспоре не как проконсул Азии и Сицилии, а будучи легатом Мезии в 44–45 гг. В сенатской Вифинии размещались малочисленные вспомогательные войска, едва ли способные обеспечить масштабную кампанию. В 44–46 гг. происходила аннексия Фракии и организация там римской провинции, для чего в помощь прежде размещенным в Мезии IV Скифскому и V Македонскому легионам в 45–46 гг. был добавлен VIII Августов легион. Именно этот легион из Мезии плюс вспомогательные когорты Г. Юлия Аквилы из Малой Азии на кораблях Византия (по В.М. Зубарю) будто бы повел на Боспор *dux Romanus* А. Дидий Галл. После бегства Митридата он уводит с Боспора основные силы, а римляне контролируют царство из Вифинии, в 48 г. ставшей императорской провинцией. При возвращении с Боспора после победы в 49 г. несколько кораблей и сотни римлян гибнут у южного берега Крыма – множество малоазийских монет и прочие трофеи местных пиратов были найдены при раскопках таврского святилища на Гурзуфском седле. Однако предоставить льготы и права золотых эмиссий (в Херсонесе в 47 и 49 гг.) мог разве только управитель провинции, легат, каковым являлся только А. Дидий Галл. Речь шла о взятии под контроль всего Северного Причерноморья – акции стратегического масштаба. Однако В.М. Зубарь почему-то усомнился, что *ornamenta triumphalia* А. Дидий Галл получил не за победу над Митридатом, а за усмирение Фракии, превращенной в 46 г. в провинцию. Между тем, в 49 г. Юний Цилон и Г. Юлий Аквила были почтены намного скромнее, учитывая изменение (повышение значимости и численности наличных войск) статуса провинции, в которой и из которой они действовали.

М.Б. Щукин⁴¹ предположил, что вынужденный союз Юлия Аквилы с сарматами-аорсами, традиционными союзниками парфян, способствовал их поздней-

³⁷ Фролова 1997, 210, табл. XXII, 13–15.

³⁸ Трейстер 1993, 53.

³⁹ Абрамзон, Винокуров, Трейстер 2012, 127–128; 2014, 7–8.

⁴⁰ Зубарь 1994, 19–23.

⁴¹ Щукин 1994, 206.

шей активизации не в пользу стратегических интересов Рима. Если само северное побережье Понта римляне могли брать под временный контроль, то остановить лавинные вторжения сарматской конницы было крайне проблематично. Сарматы регулярно пересекали (по льду, например) Дунай и доходили до глубин Фракии. Ежели трофейные сарматские вещи I в. в центре провинции Фракия⁴² не вполне убеждают в этом, то найденные в сарматских степях Донбасса и Поволжья два бронзовых культовых котла с греческими надписями⁴³ явно были добыты во фракийских святилищах.

Полное подчинение Фракии и война на Боспоре происходили почти одновременно. Вот почему Клавдий на 5 лет освободил от налогов Византий, обедневший вследствие участия в войнах с фракийцами и на Боспоре (Тас. Ann. XII, 21).

Боспорское царство, ставшее ареной этого серьезного противостояния, растянувшегося на пять лет (44/45–49 гг.), сохранило свою государственность под управлением династии с фракийскими корнями. Боспор в конечном итоге стал на два столетия надежным антиварварским буфером Рима, последовательно и неуклонно действуя в фарватере римской политики.

Насколько были взаимосвязаны события на Боспоре и во Фракии – вопрос чрезвычайно сложный, его решение затруднено практически полным отсутствием прямых источниковых данных, прежде всего, нарративных. Но показательны для нас не только одновременность этих событий, но и степень вовлеченности в них римских военных и административных ресурсов, а также накал развернувшихся как на Боспоре, так и во Фракии гражданских войн, в которых римляне мастерски использовали противников действующей, неуютной им власти. Но были и заметные отличия. К примеру, на Боспоре в силу особенностей этногеографической ситуации в военном и гражданском противостоянии принимали участие мощные варварские племенные союзы. Во Фракии война не выходила за пределы фракийских территорий и поэтому в борьбу были втянуты в основном местные фракийские племена.

Раскопки последних десятилетий на городище Артезиан – царской крепости в Крымском Приазовье – принесли еще не до конца оцененные специалистами результаты, которые по-новому позволяют взглянуть на начало боспоро-римской войны и на роль в ней боспорских военных поселенцев, часть которых, как показали новейшие исследования, была родом из европейской Фракии⁴⁴.

Первый период существования крепости завершился трагически: она была взята штурмом в ходе боспоро-римской войны и полностью стorerела. При боспорском царе Котисе I (45–68/9 гг.) на руинах первой цитадели возникла новая постройка с мощными прямоугольными башнями и крепостными стенами, сооруженными из больших рустованных квадров. Городище «Артезиан» представляло собой одну из крупных крепостей Крымского Приазовья со сложной планировкой разновременных жилых кварталов и оборонительных сооружений, передовой форпост в сложнейшей системе боспорских укреплений – валов и рвов, усиленных крепостями и фортами, оберегавших жизненно важные центры Боспорского царства от кочевников, вторгавшихся в Крым со стороны Перекопа. Его гарнизон контролировал важнейший узел коммуникаций, который связывал централь-

⁴² см.: Буюклиев, 1986; Щукин 1994, 207.

⁴³ см.: Виноградов 1984.

⁴⁴ Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014, 134–162.

ные районы страны с Азовским побережьем, прикрывая «царскую» дорогу вдоль северного склона Артезианского урочища – от Азовского моря к Пантикапею и собственно урочище – значительную по площади естественную локально-территориальную зону Боспора. Крепость защищала удобные подходы к дорогам на Пантикапей, Зенонов Херсонес, Порфмий и на переправы через пролив.

На артезианском некрополе мужчины, как правило, погребались с полным комплектом всаднического вооружения. Рядом с ними находились захоронения собак и лошадей, совершенные в овальных ямах неправильной формы. Лошади были с железными псалями и пряжками, входившими в состав уздечного набора и упряжи. Эти находки вполне красноречиво говорят об основном занятии воинского сословия царской крепости – службе в коннице. В этой связи необходимо упомянуть находки надгробных стел кавалеристов. Одна из них конца второй четверти – середины I в. н.э. сохранила имена Сос(т)ибия, сына Диониса, и двух его сыновей – Дисака и Падафа; она была открыта во вторичном использовании на некрополе городища Артезиан в перекрытии могилы I–II вв. н.э.⁴⁵ На лицевой тщательно обработанной стороне стелы высечен двухъярусный рельеф, а под ним четырехстрочная надпись на греческом языке:

ΩΣΤΙΒΙΔΙΩΝΥΣΙΟΥ Σωσ{τ}ίβι(ος) Διωνυσίου
 ΚΑΙΥΟΙΔΙΣΑΚΟΣ καὶ υ(ί)οὶ Δισακος
 ΚΑΠΑΔΑΦΟΥ καὶ Παδαφου
 ΧΑΙΡΕΤΕ χαίρετε

Перевод: «Сос<т>ибий, сын Дионисия, и сыновья Дисакос и Падаф, прощайте!».

Палеография надписи характерна для конца второй четверти – середины I в. н.э., особенно для надписей времени правления царя Аспурга. Резчик надписи был не очень квалифицированным и в неполной мере владел греческим языком: имя Сосибия написал с ошибкой – после второй Σ по недоразумению вписал букву Τ (очевидно, потому что она по алфавиту следует за Σ). Стела стояла на могиле конных воинов Сос<т>ибия, сына Дионисия, и двух его сыновей, вероятно, погибших одновременно в бою и вместе захороненных. Мужские личные имена Σωσ{τ}ίβι(ος) = Σωσίβιος и Дионисий греческого происхождения, они известны на Боспоре, в городах Северного Причерноморья и широко за его пределами. В то же время личное имя Δισακος на Боспоре и в других городах античного Причерноморья не встречалось. В Геракле Понтийской и Синопе известно близкое имя Δίσκος, а в Амастрии Δισούκων – греческий вариант фракийского по характеру имени Δεζούκων. С.Р. Тохтасьев⁴⁶ считает имя иранским (сарматским). По мнению С.Ю. Сапрыкина, во фракийской ономастике встречаются имена с корнем Δισ- (=Δεζ-): Δισάτραλις, Δισούπης, Δισκοῦς, Δίσυρος (греческим соответствием фракийских основ *Disa*, *Δεσα-*, *Διζα-*, – *δαισης* является *θεός*, *Θεω-*). Второй композит – *σακος*, очевидно, иранское *sak(a)*, *zak(es)*, *saci* – «сила, мощь, помощь» – также представлен во фракийской антропонимике (*Δαλό-σακος*, *Δαλό σηκος*)⁴⁷, что не исключает как сарматское, так и фрако-сарматское происхождение носителя этого имени. Имя второго сына – *Падафου* – также сарматское, близкое иранским

⁴⁵ Винокуров 2001, 18–22, рис. 2; Винокуров 2008, 77, прим. 1, рис. 7.

⁴⁶ Матковская, Тохтасьев 2006, 191.

⁴⁷ Георгиев 1977, 101; Detschew 1976, 115.

именам *Πάδαγος* и *Πάδακος*, засвидетельствованным в Ольвии в первых веках нашей эры. Таким образом, если первый сын Сосибия, как считает С.Ю. Сапрыкин, носил фрако-иранское или скорее фракийское имя, то второй сын был наречен иранским именем. Это свидетельствует о том, что семья Сосибия, сына Дионисия, была эллинизированной – глава семьи, отец Сосибия, был, скорее всего, эллинизированным боспорцем с фракийскими и сарматскими корнями⁴⁸. В любом случае понятно, что данная надпись является прямым доказательством сложных ассимиляционных процессов, которые происходили в зонах смешанного полиэтничного расселения и являлись следствием царской политики по поиску необходимого контингента военных поселенцев за пределами территории Боспора.

Представленные на рельефе артезианского надгробия сцены предстояния конного воина сидящей в кресле богине, а также двух всадников друг к другу – не редкость для боспорских надгробных стел и росписей погребальных склепов, они отражают сходные как иранские, так и фракийско-эллинистические религиозные представления. В основе таких сцен лежит обычная религиозная составляющая, связанная с обожествлением и героизацией умерших. Они все были воинами-кавалеристами, о чем свидетельствует их воинская амуниция. Этому не противоречат и находки на некрополе захоронений лошадей со следами прижизненных боевых травм. Отец семейства – Сосибий и два его сына, очевидно, пали в бою, поэтому в сознании соплеменников они были героизированы в облике всадников. Это вполне соответствовало сакральным представлениям греков и варваров, связанным с хтоническими культами, и созданными на их основе мифологическими образами коней и всадников⁴⁹.

В состав гарнизона крепости могли входить отдельные воинские подразделения царской армии или наемники. В этой связи не кажутся случайными находки терракотовых фигурок вооруженных всадников и их фрагментов⁵⁰. Всадник-охотник зачастую в скифском (иранском) костюме с поднятой правой рукой, в которой он держит копье, поражая бегущего зайца. Охотника, как правило, сопровождает собака, преследующая зайца. Некоторые фигурки представляют всадника во фригийском колпаке, плаще и распахнутом на животе кафтане. В основе этого типа терракот образ Фракийского всадника – Хероса, который изображался на фракийских посвященных рельефах вместе с собакой, преследующей объект охоты – кабана, олененка или зайца. Данный образ синкретичный – в нем воплощены черты различных божеств греческого, фракийского и даже иранского пантеонов. Это обусловило популярность конного бога среди воинов, в особенности служивших в кавалерии. Религиозный смысл и семантика таких изображений были близки грекам, иранцам, фригийцам, фракийцам и т.д.

Нельзя также не упомянуть еще об одной удивительной находке – остраконе с многострочным двухсторонним граффито – школьным упражнением. Данная надпись, как показывает проведенный палеографический анализ, начертана в период правления царя Аспурга двумя учениками, обучавшимися в одном из северных помещений ранней цитадели городища Артезиан греческому языку. Это были некие Салас (*Σάλας*) и Долес (*Δόλης*), которые, помимо обычных ученических упраж-

⁴⁸ Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014, 148–150.

⁴⁹ Крыкин 1993, 218 и сл.; Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014, 153–157.

⁵⁰ Винокуров 2008, 81, 82, рис. 1–3; Винокуров 2001, 377–381, рис. 54, 1–2.

нений, отметились довольно непристойными шутками. С.Ю. Сапрыкин уделил в совместной работе особое внимание происхождению имен *Салас* и *Долес*, что оказалось очень важным не только для характеристики нравов и образа жизни военных поселенцев и их детей на поселении Артезиан, но и для определения этнического состава его обитателей⁵¹. Как указал исследователь, мужское личное имя *Σάλας* засвидетельствовано дважды на Боспоре в надписях 243 г. из Пантикапея и 228 г. из Танаиса⁵². Имя *Σάλας* фиксируется во Фракии с различными отчествами, например, *Σάλας Δολήνου* и *Σάλας Κε[λ]ου* и др.⁵³. Оно встречается в Македонии, но чаще всего во Фракии к югу от Гема, хотя носители его засвидетельствованы также в Малой Азии и даже в Египте (*Σάλας, Σαλλας, Σαλλος*). Согласно Д. Дечеву, данное имя встречается один раз в Македонии на хоре Филипп и восемнадцать раз в различных местах во Фракии, начиная с рубежа I в. до н.э. – I в. н.э. Пик популярности этого имени приходится на II–III вв. н.э., при этом большинство носителей имени *Σάλας*, как и их отцы, являлись исключительно фракийцами. Данное имя в форме *Σάλλας* появляется во Фракии еще в IV в. до н.э. Показательно существование во Фракии сочетаний *Σάλας* и *Δόλης* как в виде личных имен, так и патронимиков. Родственное имя *Σάλος* отмечено в ономастиконе окрестностей фракийского прибрежного городка Анхиало и в Пауталии. Обладателями таких имен являлись фракийцы либо выходцы из малоазийских областей с преобладанием фракийского населения (Вифиния). Личные имена с композитом *-σαλ* часто встречаются в малоазийской ономастике, в основном, во фракоговорящих регионах полуострова. На основании проведенного анализа С.Ю. Сапрыкин⁵⁴ предположил, что носители такого имени на Боспоре, в том числе и среди обитателей крепости Артезиан, могли быть фракийцами или представителями фракоязычного населения Малой Азии, которые к III в. н.э. уже стали натурализованными боспорцами.

Что касается второго имени – *Δόλης*, то оно входит, как указывает С.Ю. Сапрыкин, в качестве корневого компонента в двусоставное фракийское имя *Δολήζε[λ]μις*⁵⁵. На Боспоре оно упоминалось лишь однажды⁵⁶, а в Македонии и во Фракии имя *Δόλης* засвидетельствовано 46 раз⁵⁷. Скорее всего, имя *Долес* на артезианском граффити принадлежало фракийцу либо боспорцу, предки которого являлись выходцами из Фракии. Любопытно, что во фракийском местечке Базопара (Пизос) около 202 г. н.э. проживал *Σάλας Δολήνου*, а в списке жителей, отраженном в посвящении императору Септимию Северу, фигурируют девять лиц по имени *Долес* и девять лиц по имени *Салас*. Это личные имена с патронимиками типично фракийского облика. Совпадение имен на черепке из боспорского укрепления Артезиан с отдельными именами в списке адорантов римского императора из местечка Пизос во Фракии позволяет высказать предположение, что если не сами Салас и Долес, то их предки могли прибыть на Боспор именно из внутренних районов Фракии⁵⁸.

⁵¹ Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014, 139–147.

⁵² КБН 1965, №№ 35 и 1283.

⁵³ Detschew 1976, 412.

⁵⁴ Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014, 139–147.

⁵⁵ Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014, 139–145.

⁵⁶ КБН 1965, №450.

⁵⁷ Detschew 1976, 146–147.

⁵⁸ Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014, 143–146.

При этом, если принять во внимание распространенность в среде воинов гарнизона фракийских личных имен в сочетании с популярностью фрако-фригийских божеств, естественно предположить, что фракоязычные поселенцы составляли едва ли не самую большую общину на городище, население которого было явно полиэтничным.

Слой пожара и гибели городища Артезиан датируется вторым годом боевых действий боспоро-римской войны – 46/47 г. В момент катастрофы закрома крепости были полны хлеба. Северные помещения оказались завалены тоннами сгоревшего зерна. Археологический контекст убедительно свидетельствует о том, что драматические события, во время которых было сожжено городище, происходили после сбора урожая. Часть его хранилась в ямах, укуренных крышками *in situ*, другая, скорее всего, посевной фонд, – на верхних этажах цитадели. Здесь же были сделаны запасы вяленого или копченого мяса на костях. Значительное количество найденных в горелом слое остатков длинных костей крупного рогатого скота может об этом косвенно свидетельствовать. Таким образом, пожар, видимо, случился в августе или в начале осени – сентябре-октябре.

Крепость Артезиан, судя по всему, была штурмована без длительной осады и полностью сгорела. Победители пощады к жителям не проявили. Защитники крепости сгорели вместе с детьми, женщинами, стариками, домашним скотом, имуществом и припасами. Весь слой пожара насыщен перегоревшими и фрагментированными костями людей и животных. Множество монет чеканки Митридата III, прекрасной сохранности и в большинстве не бывшие в обороте, найдены в сгоревших помещениях и кладах. Они свидетельствуют либо о выплаченном жаловании воинам гарнизона, либо о казне, которая могла храниться у наместника крепости. Первое предположение, если вспомнить равное количество боспорских монет в артезианских кладах, выглядит предпочтительней. Оружие (мечи, стрелы, топоры, дротики, пращевые ядра), орудия труда – от плугов, серпов и виноградских ножей до тесел и мотыг остались в слое катастрофы. Они не были найдены при поисках ценного имущества победителями или пришедшими на место катастрофы местными жителями. Возможно, это не позволили сделать недостаток времени или ливни и непогода. Следы продолжительных дождей были обнаружены при исследовании траншей выборок стен ранней цитадели, борта и дно которых были покрыты глинистыми затеками и заметно заплыли.

Как известно, боевыми действиями во время боспоро-римской войны были охвачены значительные территории как на самом Боспоре, так и за его пределами. Тем более описание Тацита сохранило нам только впечатляющие картины ожесточенных финальных боевых действий на Азиатской стороне Боспора (Тас. Ann. XII. 15–21). Ход войны на Европейской части можно только в общих чертах гипотетически предполагать. Возможно, вторжение разворачивалось от основных портов Пантикапея и Феодосии, прибрежных городов. Очевидно, после захвата столицы и побережья боевые действия охватили отдаленную сельскую территорию, периферию Европейского Боспора, мелкие городки и крепости, сельские усадьбы и резиденции знати, башни, форты, линии обороны, в том числе по Асандрову валу. Войска сторонников Котиса и римлян с союзниками вышли на оперативный простор. Римляне и боспориты, сторонники Котиса, изолировали и последовательно уничтожили крепости и гарнизоны, которые оставались на стороне свер-

гнутого династа – Митридата III. Судьбу городища Артезиан разделили, думается, многие другие боспорские крепости, расположенные в этом районе. По крайней мере, слои синхронных пожаров и разрушений выявлены на городищах Багеро-Северное, Ново-Отрадное, Маяк, Тасуново, Михайловка. Эти крепости, включая Артезиан, размещавшиеся вдоль нескольких важнейших дорог, прикрывали подходы к Пантикапею, Илурату и другим городам. Похоже, что и ранний Илурат, от укреплений которого уцелел остаток крепостной стены с рустованной кладкой, аналогичной артезианской ранней цитадели, также был уничтожен в этом ожесточенном боспоро-римском противостоянии. Этот укрепрайон долгое время являлся западной границей Боспорского царства, отделяя его от скифских степей. Но в это время пограничным он не был: Крымская Скифия с 23/24 г. подчинилась Аспургу боспорскому⁵⁹, а в столице скифов Палакии (Неаполе-Скифском) была найдена серебряная тарелка с именем его жены Гепепириис⁶⁰. Но тарелка обнаружена в слое III в., и это не позволяет определенно интерпретировать значимость ее появления в столице крымских скифов.

Потерпев поражение и поняв бесперспективность борьбы на Европейском театре военных действий, Митридат, изгнанный римлянами из столицы и лишенный трона и «постоянного пристанища» (Тас. Ann. XII. 15), был вынужден отступить и обосноваться на Азиатской стороне Боспора (а, возможно, даже за его пределами).

Среди важнейших находок последних лет на городище Артезиан – десять золотых статеров Аспурга и Митридата III, открытые в слое пожара. Уникальный статер Митридата 343 г. боспорской эры (46/47 г. н.э.) и археологический контекст слоя пожара позволяют датировать гибель крепости либо осенью 46 г. н.э., либо концом лета – осенью 47 г. н.э. В новой публикации М.Г. Абрамзон и Н.И. Винокуровым монет и ценностей с руин уничтоженной крепости⁶¹ авторы склоняются к выбору уточненной датой трагедии позднюю осень 47 г., но обоснований для этого не приведено. Между тем, представляется очень важная статистическая картина наблюдений нумизматов-антиковедов⁶². Котис выпустил золотые статоры при Клавдии в 45, 48, 49, 52 и 53 гг., причем под контролем римских чиновников. Даже медные эмиссии Котиса в 45–50 гг., похоже, содержат лакуны именно от 46–47 гг. Между тем рассуждения о возможности активных боевых действий римлян против Митридата и его сторонников в одном-двух пеших переходах от Пантикапея в течение целых года-двух лишены здравого смысла – если Дидием Галлом был будто бы даже использован целый VIII Августов легион (плюс *auxilia*) – имеются и такие утверждения, – ситуация у Пантикапея не могла разрешаться долго.

Дата же катастрофы в Артезиане-Паросте (?) якобы и свидетельствует о том, что Артезиан и другие форпосты Митридата III, где были найдены синхронные слои разрушений, оказывали сопротивление Котису I и римлянам в течение года или, скорее всего, двух лет после захвата теми столицы и центральных городов Боспора. Но тогда сторонники Митридата вполне бы имели время эвакуировать и спасти свои ценности, чего не случилось. Или вообще бежать перед лицом заве-

⁵⁹ КБН 1965, № 39.

⁶⁰ Щукин 1994, 205.

⁶¹ Абрамзон, Винокуров 2016, 712–743.

⁶² Фролова 1997, 86 и сл.

домо слишком превосходящих сил экспедиционной армии римлян, спасти своих жен и детей – в итоге вместе все сгорели в адском пламени в крепости Артезиана.

Однако продолжающиеся раскопки в Артезиане вносят свои коррективы, причем серьезные. Дело в том, что Пароста (?) пережила не один, а два штурма. Защитники крепости на юге и северо-западе на месте сгоревших посадок от первого штурма пытались возвести новые бастионы, что должно было потребовать трудовых усилий от нескольких месяцев до года или даже несколько более в сравнительно безопасной ситуации. Таким образом, можно предполагать осуществление атаки крепости римлянами Г. Юлия Аквилы и союзниками Котиса Первого примерно в 45 г. н.э., после неудачи которой сторонники Митридата занялись доукреплением фортификации и не помышляли о бегстве семей и вывозе ценностей при сложившемся близком к равновесию соотношении сил. И тогда из Подунавья прибыли явно превосходящие силы римлян и решительным ударом решили участь атакованного объекта.

Вышеупомянутый золотой статер царя Митридата III диаметром 20x21 мм имеет на лицевой стороне изображение головы императора Клавдия(?) (41–54 гг.) (?), вправо в кольцевом ободке, по кругу надпись – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ, на оборотной – изображение головы Митридата(?) вправо, посоха(?) справа, внизу даты – «ГМТ»(?) – 46/47 г. н. э.

Данная монета совершенно уникальна и не находит аналогий ни на одном штемпеле среди уже открытых боспорских монет. Обращает на себя внимание двойной удар при изготовлении данной монеты, что привело к заметной смещенности контуров и нечеткости изображения. При большом увеличении хорошо видно, что поле обработки монеты не гладкое, как у большинства боспорских статеров, а имеет неровную поверхность. Это свидетельствует о небрежности работы, спешке или низкой квалификации мастеров.

На лицевой стороне изображение императора Клавдия в венке имело определенные черты сходства с его предшественником – Калигулой. Похоже, что резчик не имел возможности добиться портретного сходства или попросту мог использовать в качестве шаблона прежние штампы или изображения. Изображение бордатого пожилого мужчины показывает определенный отход от традиционной боспорской медальерной традиции, обычного для монет некоторого схематизма и утрирования в сторону большего портретного сходства. Резчик, похоже, гравировал монетный штамп непосредственно с натуры. При этом видно, что он допустил ошибку в композиции, и изображение в верхней части оказалось практически под рельефным ободком, едва с ним не смыкаясь. Автор изображения был хорошим художником и резчиком, сумел мастерски передать образ волевого и мужественного человека, что нетипично для нумизматики, но в качестве изготовителя монет ему явно не хватило опыта.

Как полагает М.Г. Абрамзон, который изучал артезианские нумизматические материалы в Керчи в хранилище КГИКЗ, эта монета чеканилась в передвижном монетном дворе, когда Митридат был выбит из столицы и находился в изгнании. По мнению С.А. Коваленко, налицо полный отход от принятой до сих пор на Боспоре схемы чеканки золотых монет. На оборотном изображении (Митридата?) отсутствуют какие-либо инсигнии царской власти (диадема, лавровый венок), но при этом впервые появляется дополнительный символ – посох как знак незыбле-

мости божественных сакральных полномочий свергнутого царя. Легенда же лицевой стороны как раз недвусмысленно указывает на то, что именно изображенный на ней персонаж и есть Митридат (что со времени Рескупорида I становится неизменной схемой для боспорской чеканки). Может, на обороте – его божественный предок? В любом случае, монета необычна, но если правильно прочитана дата, она была чеканена не в самом начале войны, когда в распоряжении царя уже могло не быть квалифицированных резчиков или людей, хорошо знакомых с монетным производством.

Н.А. Фролова при ознакомлении с монетой посчитала ее поддельной. Современная подделка статера совершенно исключена. Монета найдена в слое и с соответствующим контекстом, ее поверхность покрыта патиной с впаянными продуктами горения, аналогично другим золотым монетам. Подделка золотой монеты в древности была оправдана только в том случае, если подобные монеты были в обороте и ценились как мерило стоимости или выступали средством накопления. Возможная фальсификация монеты, да еще с таким изобразительным рядом, в условиях военного хаоса и гражданского противостояния совершенно непонятна и экономически вряд ли оправдана.

Фактически речь идет о том, что это реально последняя из известных золотых монет Митридата III, датируемая 46/47 г. До этого его чеканка прерывалась появлением золотого статера Котиса 44/45 г., которым и датировалось свержение Митридата с престола и начало боспоро-римской войны. В 46–47 гг. Котис по каким-то причинам золотые монеты не выпускал. Артезианская находка свидетельствует как раз о том, что у Котиса в этот период были довольно серьезные проблемы, связанные с покорением территорий и крепостей, оставшихся верными Митридату III. Причем Митридат, явно пытаясь продемонстрировать свою легитимность на престоле, выпустил этот необычный статер, который констатировал его положение изгнанника: у него не было знаков царской власти, которые были узурпированы Котисом, что намеренно и показательно противоречило легенде монеты на лицевой стороне: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ. Ее помещение вокруг портрета римского императора – определенный вызов Риму и одновременно напоминание о сравнительно недавнем его утверждении на боспорский престол. Тем не менее изображение посоха призвано, очевидно, демонстрировать божественную легитимность и законность царской власти Митридата. Монета эта, конечно, – антиримская демонстрация, напоминание недругам и сторонникам Митридата о его законных правах на боспорский престол и грубом вмешательстве Рима в престолонаследие на Боспоре.

После падения последних очагов сопротивления на Европейском Боспоре противостояние завершалось на Азиатском Боспоре и за его пределами. К 48 г. н.э., когда основные силы римлян во главе с Дидием Галлом покинули Боспорское царство, с Котисом, «неопытным по молодости», по выражению Тацита (Тас. Анн. XII. 15), оставались лишь несколько когорт под начальством римского всадника Гая Юлия Аквилы. Узнав об этом, Митридат «...стал возмущать племена и сдвигать к себе перебежчиков и, собрав в конце концов войско, прогоняет царя дандаров и захватывает его престол» (Тас. Анн. XII. 15). Именно с этим этапом войны связан клад из Сукко 1963 г.⁶³.

⁶³ Абрамзон, Винокуров, Трейстер 2012, 130.

Относительно местопребывания Митридата следует обратить внимание, что после захвата царства дандаров «...возникла опасность, что Митридат вот-вот вторгнется в Боспорское царство» (Тас. Ann. XII. 15). Следовательно, он находился вне его границ. Одновременно царь сираков Зорсин возобновил военные действия против Котиса и Аквилы, и те обратились за помощью к Эвнону, царю аорсов. Они уговорили его бросить на врага свою конницу, в то время как римляне займутся осадой городов (Тас. Ann. XII. 15). Когорты римлян и вооруженные римским оружием отряды боспорцев, прикрываемые с тыла и спереди аорсами, отбросили войска Митридата и заняли покинутый им дандарский город Созы, где оставили свой гарнизон. Отсюда они отправились в земли сираков и, форсировав реку Панду, осадили слабо укрепленный город Успе. Стены города были построены не из камня, а из плетеных прутьев; римляне применяли осадные башни, с которых забрасывали осажденных горящими головнями и копьями. Отвергнув предложения горожан примириться, римляне взяли Успе штурмом и устроили страшную резню населения в целях устрашения остальных сираков, укrywшихся в городах и крепостях, расположенных в труднодоступных и высокогорных местностях (Тас. Ann. XII. 16–17). После падения Успе Зорсин изменил Митридату и перешел на сторону римлян (Тас. Ann. XII. 17), которые поступили с ним милостиво – «они ничего не отняли у поверженного ими Зорсина» (Тас. Ann. XII. 18). Из описаний хода событий Тацитом следует, что войско римлян в этот момент остановилось в трех днях пути от реки Танаис (Тас. Ann. XII. 17). Следовательно, доставивший его римский флот в это время должен был вновь находиться в Меотиде. Выполнив задачу, римский флот возвращался назад тем же маршрутом, которым прибыл на Боспор, но из-за шторма часть кораблей была выброшена на побережья Тавриды и попала в распоряжение к таврам. Последние убили префекта когорты и перебили множество воинов из вспомогательного отряда (Тас. Ann. XII. 17)⁶⁴. Не случайно в святилище тавров на Гурзуфском седле были сделаны находки из захваченной добычи римского подразделения, некоторые из них были синхронны и даже аналогичны артезианским находкам из слоя гибели городища.

Тем временем, лишившись союзников в лице дандаров и сираков, Митридат, устав от борьбы и преследуемый врагами, обратился к Эвнону с просьбой о содействии в примирении с римлянами. После переговоров царя аорсов с императором Клавдием о судьбе сдавшегося Митридата тот был выдан римлянам и в 49 г. н.э. доставлен в Рим прокуратором провинции Вифиния-Понт Юнием Цилоном, где предстал перед Клавдием (Тас. Ann. XII. 18–21). Клавдий сохранил низложенному боспорскому царю жизнь, и тот проживал в Риме до тех пор, пока не был казнен по распоряжению Гальбы якобы за участие в заговоре Гая Нимфидия Сабина, бывшего начальника преторианцев при Нероне (Plut. Galba. 13, 15).

Из описания Тацитом хода боевых действий складывается впечатление, что конфликт происходил только на азиатской стороне Боспора, в землях дандаров и сираков. Однако раскопки укрепленного поселения Артезиан в совокупности с упомянутыми монетными находками из Пантикапея свидетельствуют о военных действиях и на Европейском Боспоре. По-видимому, крепость Артезиан, расположенная неподалеку от боспорской столицы, где благодаря римлянам утвердился

⁶⁴ Абрамзон, Винокуров, Трейстер 2012, 130–131.

Котис I, в самом начале войны представляла собой один из форпостов лишённого трона Митридата. Среди защитников крепости находились и достаточно обеспеченные лица, спрятавшие свои шкатулки с деньгами и сокровищами накануне ее штурма войсками Котиса I и его союзников. Остальные обитатели схоронили в ямки скромные клады, состоявшие только из медных монет. Археологический контекст находок свидетельствует о том, что крепость была сожжена, а ее обитатели – небольшой военный отряд Митридата и какое-то сопутствующее население – скорее всего, все перебиты.

С.Ю. Сапрыкин⁶⁵ сформировал собственную реконструкцию начала боспоро-римской войны, достаточно убедительную до открытия уникального золотого статера в Артезиане. После смерти Аспурга Гепепирис правит на Боспоре (статеры 37 и 38 гг.), после чего царство мнимо передается Полемону II. Найдено свидетельство полной лояльности царицы по отношению к Риму тогда и все последовавшие годы (из «Историй» Петра Патрикия, восходящих к Dio Cass.LX.28.7). Похоже, что ее сын Митридат в 39 г. достиг совершеннолетия и выпускает золотые статеры 39–40 гг. с портретом Калигулы – признание его власти вопреки прочим мнениям, будто в Риме его признал царем только пришедший к власти в 41 г. Клавдий. Но в конце 41 г. Митридат решился на возвращение к политической линии своего одноименного предка (с неперменным союзом с сарматами) вопреки мнению матери-соправительницы и скоро отправил в Рим своего младшего брата Котиса. В 42–44 гг. статеры не выпускаются на Боспоре – С.Ю. Сапрыкин предполагает, что измена юного Котиса делу брата произошла не в 45/46 г., а в 41/42 и бегство Митридата из Пантикапея произошло в 42 или 43 г. – что и следовало бы считать началом боспоро-римской войны. А. Дидий Галл являлся легатом Мезии с 44 по 47 гг. – отсюда в 45–46 гг. он отправился на Боспор для усиления давно определившихся в Пантикапее когорт Г. Юлия Аквилы и после успешного похода их там же и оставил. Дидия Галла будто бы сопровождал Котис – появляются его первые статеры 45 г. В 45/46 г. Дидий Галл покинул Боспор заниматься реорганизацией Фракии.

В.А. Горнчаровский⁶⁶ усомнился в правомочности удревнения боспоро-римской войны с 42-го или 43-го года: именно в 43 г. римские легионы высадились в Британии и там требовалась концентрация сил. Но при этом исследователь не заметил главного: вторжение вифинских когорт Г. Юлия Аквилы в Пантикапей не решило вопрос о передаче власти от Митридата к Котису, и позднее потребовалась экспедиция корпуса А. Дидия Галла. Правда, смущает деталь, что если в 48 г. Котис все еще был «неопытен по молодости», воюя с сираками и Митридатом, то в 41 г. мог оказаться уж совсем юн для участия в политической интриге в Риме. К тому же первые статеры Котиса 44/45 г. прямо указывают на воцарение Котиса и его участие в акции Аквилы именно в это время. При таком подходе монета из Артезиана передатировала вторжение армии Дидия Галла на 46 г. или 47 г. Но тогда собственно боспоро-римскую войну (без акции вифинских когорт в 42/3 или 44/45 г. в Пантикапее) можно было бы датировать 46/47–49 гг. (если не знать о состоявшихся двух разновременных, но последовательных штурмах Артезиана).

⁶⁵ Сапрыкин 2002, 234–259.

⁶⁶ Горнчаровский 2002, 202–203.

Итак, Корнелий Тацит описал в своих «Анналах» события римской истории с 14 по 65 г. н.э. В книгах I–IV раскрыты реалии 14–28 гг., а в книгах XII–XV содержатся факты 48–65 гг. Странно, но книги V, VI и XI дошли до нас во фрагментах, при этом в книге XI все-таки повествуется о некоторых сюжетах 47–48 гг.

Между тем в 45 г. у границ Римской империи произошло два похожих события: началась война на Боспоре, и была превращена в провинцию Фракия. Оба события потребовали участия римских войск, дислоцированных в Нижнем Подунавье (провинция Мезия). Была смещена от правления одрисско-сапейская династия во Фракии, и почти одновременно на Боспоре был заменен один царь на другого – оба родные братья, при этом по матери из этой же фракийской династии. До недавней поры считалось⁶⁷, что в 44/45 г. н.э. *dux* Дидий Галл примерно с 7–8 тыс. воинов вспомогательных войск прибыл на Боспор из Подунавья в помощь сменявшему на престоле Митридата VIII его брату Котису и затем ушел. В итоге же всадник Юлий Аквила с римскими когортами при помощи ряда местных племен добился победы, после чего римляне покинули Боспор (Тас. *Ann.* XII, 17). Причем отряды эти прибывали сугубо из Вифинии, и потому по окончании войны прокуратор провинции Юний Цилон удостоился консульства, а Юлий Аквила стал претором.

Еще следует отметить: римская новая провинция Фракия сразу же была объявлена сенатской – то есть должна была контролироваться минимальным количеством вспомогательных войск (как правило, таковым считалась пара миллиарных когорт). Заметим, что Иосиф Флавий (*Bell. Jud.* II, 16.4) по поводу ситуации примерно в 66 г. н.э. пишет о базировании тогда во Фракии именно 2-х тысяч бойцов.

Любопытным образом история подчинения Фракии Риму связана с чередой царей одрисско-сапейской династии по имени Реметалк⁶⁸. Все трое сотрудничали с римлянами, и гибель третьего из них обозначила финал независимого существования Фракии. Так почему же правителям Рима так опротивели фракийские цари, царьки, царевичи и прочие династы? Собственно Фракия несколько раз попадала под плотный контроль – полцарства под опекой в качестве примера. Выяснилось, что без участия римских войск одрисско-сапейские династы не в состоянии навести порядок: четыре восстания за полвека – и императорам это надоело. К тому же, еще с середины I века н.э. сама фракийская племенная верхушка выглядит заметно романизированной – взять за пример хорошо исследованную виллу Кадин мост в с. Невестино близ нын. Кюстендила (ант. Пауталия) в Болгарии⁶⁹. Римлянам давно было привычно пользоваться услугами фракийских наемных или союзных отрядов. Заметим, что легендарный Спартак возглавлял в свое время один такой конный отряд на службе у римлян⁷⁰. При этом фракийским династам Одрисам давно самим было важно и выгодно сотрудничество с могущественным Римом (опускаем при этом замеченное участие отдельных фракийских племен в армиях ярого врага римлян Митридата VI Евпатора⁷¹). Так, первый из так называемой одрисско-астейской династии Котис (100–87 гг. н.э.) уже упоминается Диодором

⁶⁷ Блаватский 1973, 215–216; Крыкин 1993, 237–238.

⁶⁸ Кратка энциклопедия 1993, 230–231.

⁶⁹ Крыкин 2010, 16.

⁷⁰ см.: Крыкин 2007.

⁷¹ Сапрыкин 1996, 151–160.

(XXXVII, 5a) как союзник Рима. Потом власть наследовали Садала I и его сын Котис, известный по словам Цицерона (Cic. In Pis., 34) в его речи против Пизона. Котис отправил сына, будущего Садалу II, в 48 г. до н.э. в лагерь Гн. Помпея (Caes. Bell.civ. III, 4). Затем астейскую династию сменили сапеи, чьи контакты с Римом были еще древнее. Так, во времена македонского царя Персея и его одрисского союзника Котиса проявил себя римский союзник римлян из фракийцев-сапеев Абруполис — именно его территориальный конфликт с Персеем был использован как повод для развязывания Третьей Македонской войны. Спустя почти столетие сапей Котис поддерживает римлян против Митридата Евпатора. Он скончался до 16 г. до н.э., по Диону Кассию (LIV, 20, 1–3), когда с горцами-бессами сражался Реметалк Первый, дядя и опекун детей Котиса. Уже в 11 г. до н.э. вождь-жрец бессов Вологес лично поражает Раскупориса (восстание бессов началось то ли в 15, то ли в 13 г. до н.э.), повзрослевшего сына этого Котиса. Тогда прибывший из Памфилии Луций Пизон со второй попытки сумел восставших усмирить (Cass. Dio. LIV, 34, 5–7). С той поры сапейские цари воспринимаются как в Риме — как «клиенты» или «союзные». Вообще довольна рыхлая структура древней фракийской государственности открылась еще Ксенофону на рубеже V–IV вв. до н.э., описавшему в финальной седьмой книге «Анабасиса» детали похода 6-титысячной армии греков вглубь Фракии — потом после 359 г. до н.э. о некоем государственном единстве на землях Фракии вообще говорить сложно. При этом фракийские цари пытались приспособиться к внешнеполитической ситуации, лавируя между разными политическими силами и лидерами. Особенно трудно оказалось для них сориентироваться в ходе римских гражданских войн в середине I в. до н.э. Перед битвой при Фарсале в 48 г. до н.э. между силами Цезаря и Помпея сапейский царь Раскупорис отправил войска в лагерь Помпея, прославившего себя в войнах с Митридатом Евпатором. Ошибся с выбором, но был помилован победителем. В 42 г. до н.э. перед битвой при Филиппах сын Раскупориса — Котис отправил 3 тыс. всадников во главе с сыном Раскосом в помощь Октавиану и Антонию — усыновленному наследнику Цезаря и начальнику цезаревой конницы. А другого сына, Раскупориса, направил с такими же силами в помощь сенатской армии Брута и Кассия, фактических хозяев тогда территорий Греции и Македонии. Раскос потом содействовал помилованию Раскупориса и исчез из политической жизни, а Раскупорис стал родоначальником последней сапейской династии. Позднее Реметалк с братом Раскупорисом участвуют в подавлении при Августе Паннонского и Далматинского восстаний (Cass. Dio. LV, 29, 3; 30, 3–6). Он и его наследники секут монеты с портретом Августа — римляне же гарантировали силой оружия его власть над практически всей Фракией. Сапеям это (*Pax Romana*) помогало контролировать и греческие приморские города. Август предполагал династические связи между союзными правителями. И еще Реметалк Первый обратил взор к Черному морю, женив сына Котиса на Антонии Трифене, дочери правителя Понта Полемона I. Позднее его вероятная внучка Гепепирис стала супругой Аспурга боспорского, возродив тем самым на Боспоре полуфракийскую династию с характерными царскими именами (Котис, Раскупорис, Реметалк). После смерти Реметалка I в 12/13 г. Август разделил земли Фракии между его братом Раскупорисом (не слишком лояльным к Риму варваром, по Тациту) и сыном Котисом (неполнолетним к тому времени). Довольно скоро Раскупорис захватил обманом Котиса и устранил

физически, завладев при этом всей территорией Фракии. Но коварный правитель был хитростью доставлен в Рим, обвинен в сенате лично вдовой Котиса Антонией Трифеной и сослан в Александрию, где погиб будто бы при попытке к бегству (гибель Котиса Раскупорис представил как самоубийство). По отрывкам у Тацита (Ann. II, 64; 65,5; III, 38, 5; 39, 1) он представлял опасность не только для племянника, но и для римской власти во Фракии. Еще до похищения Котиса Раскупорис затеял сбор войск как бы для отражения бастарнов и «скифов», а уже позднее македонец Антистий Ветер был осужден как бунтовщик и соучастник Раскупориса в то время, когда по устранении Котиса тот «замышлял войну против Рима». И Фракию снова разделили надвое – между сыном Раскупориса Реметалком, лояльным к Риму, и детьми Котиса (Тас. Ann. II, 67), но при этом не произошло ее умиротворения. Опекуном детей Котиса являлся Требеллен Руф – многие фракийцы их ненавидели наряду с Реметалком – койлалеты, одрисы и дии инспирировали восстание и осадили царя в Филиппополисе (нын. Пловдив). Это восстание в 21 г. было подавлено вспомогательной конницей и пехотой римлян под началом Публия Веллея – Реметалк же пробился из осады и соединился с римским легионом, после чего не отличавшиеся единством восставшие были рассеяны (Тас. Ann. III, 39). В 26 г. сенат присудил право на триумф Поппею Сабину за подавление «горных фракийцев». Те не желали служить в римских войсках по традиционной для римлян системе, выступили против увеличения повинностей и после несогласия с их послами затеяли противостояние, используя горные крепости. По Тациту (Ann. IV, 46–47; 51), ранняя суровая зима прервала военные действия и осажденные в горах фракийцы сдались добровольно. Требеллен Руф до конца жизни представлял интересы Рима во Фракии. А царские дети прошли обучение в Риме в обществе будущих правителей: Калигулы, Ирода и др. Калигула после смерти Тиберия пришел к власти и в 36/37 г. провозгласил царем Фракии Реметалка (Третьего при живом Втором). Последний из сапеев воспринимался как Филокайбар. Реметалк Третий правил недолго. В поздней Хронике Георгия Синкелла в 46 г. Фракия была превращена в римскую провинцию после того, как Реметалк был убит при участии собственной жены. У Кассиодора, Проспера Тирона и Иеронима это событие относится к 45 г. после начавшегося в 44 г. восстания (против римлян и сапеев?). При этом Антония Трифена и сыновья ее, братья погибшего Реметалка, сохраняли царский статус в Кизике и дальше, при Клавдии. Историю последних независимых правителей Фракии основательно рассматривала известная болгарская исследовательница М. Тачева⁷². И таким образом Авл Дидий Галл никак не мог в 44–45 гг. (и даже, похоже, в 46 г.) отправиться с войсками из Мезии на Боспор, оставив нерешенными проблемы во Фракии – римлянам из Вифинии это было гораздо удобнее, но там крупных сил у них давно уже не было. Г. Юлий Аквила мог оказаться в Пантикапее с помощью не очень мощного византийского флота и поначалу курировать переход власти там к Котису, озаменованный царской эмиссией. Далее с эмиссиями наблюдаем заминку минимум на год – вероятное двоевластие на Боспоре в целом. Наладив ситуацию в Мезии и Фракии, получив необходимые подкрепления, легат Авл Дидий Галл совершил бросок на Боспор и разгромил отряды и объекты Митридата в его Европейской части (как

⁷² Тачева 1987, 66–93; 1997, 68–95.

некогда Митридат подготовил для действий в Таврике элитный экспедиционный корпус Диофанта). После этого он вернулся и был почтен триумфом за несомненные успехи как во Фракии, так и на Боспоре. Римские военные акции, которые сопровождалась разгромом крепостей и показательным уничтожением противником из антиримской партии, способствовали немедленной реакции со стороны Ольвии и Херсонеса – в 46–47 гг. (еще до окончания войны на Боспоре!) эти полисы и без обязательного присутствия римских оккупационных отрядов признали свое непререкаемое вхождение в орбиту внешнеполитических интересов Рима. Все Северное Причерноморье вскоре оказалось, по образному замечанию Иосифа Флавия (Bell. Jud. II. 16,4), под контролем римских 40 кораблей и 3-х тысяч бойцов, оказавшись удаленным берегом внутреннего моря Римской империи.

А смысл аннексии Фракии и превращения в римскую провинцию наиболее кратко и четко определил болгарский археолог К. Жуглев: «Наступили особенно благоприятные времена для восстановления и дальнейшего развития Мезии и Фракии. Теперь различные племена были подчинены префектам и стратегам, которые, обладая военной и административной властью в префектурах и стратегиях, зорко следили за каждым движением среди местного населения. Эта организация делала почти невозможным перемещение племен и создавала принудительные порядок и спокойствие в Мезии и Фракии. Вся страна была прочно охвачена римским провинциальным устройством, которое системно подавляло свободолюбивый характер фракийского населения и постепенно его направляло к *производительному* [курсив – К. Ж.] труду [пер. мой – С.К.]. Фракийские племена с их натуральной экономикой («домашний способ производства», по М. Саллинузу) вошли в состав передовой античной империи с ее рыночной экономикой и товарными производствами. Быстро проявившийся демографический рост дополнился намеренно организованной римлянами колонизацией из грекоязычных областей Балкан, Малой Азии и Ближнего Востока («эллинистизм»)⁷³.

Фракия стала римской провинцией после наместничества в Мезии Авла Дидия Галла в 46 г. Исходя из вышеизложенного, это удалось римлянам не ПОСЛЕ (post quem) экспедиции дукса во главе ударного корпуса вторжения на Боспор, а ПЕРЕД (ante quem) ней. Митридат сдался царю аорсов Эвнону, и тот передал пленника римлянам на условиях не убивать его и не унижать участием в триумфе (Tac. Ann. XII, 18). И триумфа в 49 г. не было. Судя по всему, триумф в честь блистательных побед над фракийцами и Митридатом уже был, причем несколько раньше. И чествовали А. Дидия Галла вполне заслуженно.

В 45 г. римляне реально оказались в Пантикапее и участвовали в свержении Митридата в пользу его брата Котиса – но сил вифинских когорт Г. Юлия Аквилы хватило только на помощь в контроле столицы Боспора. Конкретно оформилось двоевластие двух братьев, причем позиции Митридата находились не далее суточного перехода от Пантикапея. Но в помощь Котису прибыл из Мезии корпус А. Дидия Галла, разгромил оставшиеся в Европейском Боспоре позиции Митридата, причем сделал это даже, вероятнее, осенью 47 г., нежели 46 г. После этого Дидий Галл вернул свою армию в Мезию и вскоре был почтен наивысшими римскими почестями – праздновать позднее столь же пышно пленение упрямого

⁷³ Крыкин 2010, 16.

потомка великого недруга римлян Митридата Евпатора Клавдий уже счел неприличным. Ожидавшие успеха римлян греки в Ольвии и Херсонесе отметили это свершившееся событие в те же 46 и 47 гг. Победа именно А. Дидия Галла знаменовала взятие римлянами под контроль практически всего северопонтийского региона⁷⁴. Для подчинения Фракии и Боспора в низовья Дуная были стянуты три легиона плюс *auxilia*, которые сформировали передовую линию для ведения агрессивной внешней политики. В Мезии оформился *limes*, из лагерей которого уходили в походы или в качестве гарнизонов целые римские формирования или их *вексилляции*. Дунайский лимес стал важнейшим для Римской империи, сменив по значимости Рейнский, – на нем далее решалась судьба великого античного государства.

Римляне из фракоязычной Мезии оккупировали Фракию. Войска оттуда и из фракоязычной же Вифинии вторглись в Северное Причерноморье и на Боспоре повлияли на судьбы местных правителей населения фракийского происхождения. Да и позднее многие римские солдаты, служившие в гарнизонах в Северном Причерноморье, оказались фракийского происхождения. По иронии судьбы уже много лет фракийцы воевали за противоборствовавшие стороны, послужив то Митридату Евпатору и его потомкам, то Риму, пока не определился сильнейший.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Винокуров, Н.И. 2016: Золотые статеры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан. *ВДИ* 3, 712–743.
- Абрамзон, М.Г., Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2012: Два клада монет и ювелирных изделий времени боспоро-римской войны 45–49 гг. с городища Артезиан. *ВДИ* 3, 93–146.
- Абрамзон, М.Г., Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2014: Хронологические индикаторы и проблемы интерпретации слоя боспоро-римской войны городища Артезиан. В сб.: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии* (XV Боспорские чтения). Керчь, 5–16.
- Анохин, В.А. 1977: *Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.)*. Киев.
- Блаватский, В.Д. 1973: О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н.э. *Archaeologia Polona* 14, 215–222.
- Буйских, С.Б. 1991: *Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры)*. Киев.
- Буюклиев, Хр. 1986: Тракийский могилен некропол при Чаталка, Старозагорски окръг. *Разкопки и проучвания XVI*. София.
- Виноградов, Ю.Г. 1984: Два бронзовых котла с греческими надписями из сарматских степей Донбасса и Поволжья. В сб.: *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. М., 37–43.
- Винокуров, Н.И. 2007: Изучение некрополя городища Артезиан в 2001 г. В сб.: А.А. Масленников, Н.А. Гаврилук (ред.), *Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор*. Москва–Киев–Запорожье, 351–401.
- Винокуров, Н.И. 2001: Надгробные памятники некрополя и городища Артезиан. В сб.: *Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья (II Боспорские чтения)*. Керчь, 16–24.

⁷⁴ Зубарь 1994, 22; Буйских 1991, 130 и сл.

- Винокуров, Н.И. 2002: Новые изображения всадников на Боспоре. *ДБ* 5, 70–86.
- Гайдукевич, В.Ф. 1949: *Боспорское царство*. М.–Л.
- Георгиев, Вл. 1977: *Траките и техният език*. София.
- Горончаровский, В.А. 2002: Боспор и Рим в правление Митридата VIII. В сб.: Э.Д. Фролов (ред.), *Античное государство. Политические формы и в античном мире*. СПб, 197–206.
- Горончаровский, В.А. 2005: Военное дело и военно-политическая история Боспора в I в. до н.э. – III в.н.э.: автореф. дисс...док. ист. наук. СПб.
- Зубарь, В.М. 1994: *Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории*. Киев.
- Карышковский, П.О. 1982: Ольвия и Рим в I в. н.э. В сб.: *Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье*. Киев, 6–28.
- Карышковский, П.О., Клейман, И.Б. 1985: *Древний город Тира*. Киев.
- Клейман, И.Б. 1987: Изображение воина на фрагменте рельефа из Тиры. В сб.: *Новые исследования по археологии Северного Причерноморья*. Киев, 46–52.
- Козленко, Р.А. 2015: Римский форт на границе Ольвийского государства. В сб.: *Laurea I. Античный мир и Средние века. Чтения памяти проф. В.И.Кадеева*. Харьков, 29–33.
- Кратка енциклопедия на тракийските древности*. 1993. София.
- Крыкин, С.М. 1992: Deus Sanctus Porobonus. *ВДИ* 3, 140–147.
- Крыкин, С.М. 2010: Античное «Градиште» у с. Долна Граштица близ Кюстендила (Болгария). *Лукомор'я. Археология, етнология, история Північно-Західного Причорномор'я* 4. Одесса, 14–27.
- Крыкин, С.М. 2007: Спартак: версии о его происхождении (научный подход вразрез с литературно-легендарным). *ПИФК XVII*, 66–80.
- Крыкин, С.М. 2015: Терракотовые «фракийские всадники» на Боспоре. *Вестник МГПУ* 2 (18). 57–66.
- Крыкин, С.М. 1993: *Фракийцы в античном Северном Причерноморье*. М.
- Матковская, Т.А., Тохтасьев, С.Р. 2006: Малоизвестные и неизданные стелы Керченского лапидария. В сб.: *Научный сборник Керченского заповедника*. I. Керчь, 179–210.
- Сапрыкин, С.Ю. 2002: *Боспорское царство на рубеже двух эпох*. М.
- Сапрыкин, С.Ю. 1996: *Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье*. М.
- Сапрыкин, С.Ю., Винокуров, Н.И., Белоусов, А.В. 2014: Городище Артезиан в Восточном Крыму (его жители и культы). *ВДИ* 3, 134–162.
- Тачева, М. 1987: *История на българските земи в древността*. Ч. 2. София.
- Тачева, М. 1997: *История на българските земи в древността*. Ч. 2 (Изд. доп.). София.
- Трейстер, М.Ю. 1993: Римляне в Пантикапее. *ВДИ* 2. 50–74.
- Фролова, Н.А. 1997: *Монетное дело Боспора (сер. I в. до н.э. – IV в.н.э.)*. Ч. 1. М.
- Щукин, М.Б. 1994: *На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе*. СПб.
- Detschew, D. 1976: *Die thrakische Sprachreste*. Ed. 2. Wien.
- Latyshev, V. 1916: *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Petropoli.
- Vinogradov, J.G. 1987: Der Pontos Euxeinos als politische, ökonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik. In: *Terra antiqua balcanica. II. Acta centri historiae*. Trinovi, 9–77.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I. 2016: Zolotyye statory Aspurga i Mithridata VIII i novyye komplekxy s monetami i yuvelirnymi izdeliyami s gorodishcha Artezian [Aspurg and Mith-

- ridat III's golden coins and new complexes with coins and jewelers from town Artezian]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 712–743.
- Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I., Treister, M.Yu. 2012: Dva klada monet i yuvelirnykh izdeliy vremeni bosporo-rimskoy voyny 45–49 gg. s. gorodishcha Artezian [Two treasures of coins and jewelers of the times of Bosphorus and Roman war in 45–49 a. D. from the town Artezian]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 93–146.
- Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I., Treister, M.Yu. 2014: Khronologicheskie indikatory i problema interpretatsii sloya bosporo-rimskoy voyny gorodishcha Artezian [Chronological indicators and problems of stratum interpretation of Bosphorus and Roman war of the town Artezian]. In: *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Aktual'nye problemy khronologii [Bosporus Kimmeriyskiy and barbarian peace during antiquity and Middle Ages. Actual problems of chronology]* (XV Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]). Kerch', 5–16.
- Anokhin, V.A. 1977: *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e.–XII v.n.e.) [Coinage of Chersoneses (the 4th century BC to the 12th century AD)]*. Kiev.
- Blavatskiy, V.D. 1973: O rimskikh voyskakh na Tavrischeskom poluostrrove v I v. n.e. [Roman troops on the Tauric Peninsula in the 1st century AD]. *Archaeologia Polona* XIV, 215–222.
- Buyskikh, S.B. 1991: *Fortifikatsiya Ol'viyskogo gosudarstva (pervye veka nashey ery) [Olbian fortification (1st – 3rd centuries AD)]*. Kiev.
- Buyukliev, Chr. 1986: Trakiyski mogilen nekropol pri Chatalka, Starozagorski okryg [Thracian mound near Chatalka. Starozagorsk district]. *Razkopki i prouchvaniya [Excavations and investigations]* XVI. Sofia.
- Detschew, D. 1976: *Die thrakische Sprachreste*. Wien.
- Frolova, N.A. 1997: *Monetnoye delo Bospora (seredina I v. do n.e. – IV v. n.e.) [Bosporian coinage (the mid – 1st century BC to the 4th century AD)]*. Pt.1. Moscow.
- Gaydukevich, V.F. 1949: *Bosporskoye tsarstvo [Bosporan Kingdom]*. Moscow–Leningrad.
- Georgiev, Vl. 1977: *Trakite i tehnyat ezik [Thracians and their language]*. Sofia.
- Goroncharovskiy, V.A. 2002: Bospor i Rim v pravlenie Mithridata VIII [Bosporus and Rome under Mithridates VIII]. In: E.D. Frolov (ed.), *Antichnoe gosudarstvo. Politicheskie formy v antichnom mire [Antique state. Political forms in the antique world]*. Saint Petersburg, 197–206.
- Goroncharovskiy, V.A. 2005: *Voennoe delo i voenno-politecheskaya istoria Bospora I v. do n.e. – III v. n.e. [Military science, political and war history of the Bosphorus during 1st – 3rd centuries AD]: avtoreferat dissertatsii doktora istoricheskikh nauk [PhD Thesis]*. Saint Petersburg.
- Karyshkovskiy, P.O. 1982: Ol'viya i Rim v I v. n.e. [Olbia and Rome in the 1st century AD] In: *Pamyatniki rimskogo i srednevekovogo vremeni v Severo-Zapadnom Prichernomor'e [Memorials of Roman and Medieval times in the North-Western Black Sea region]*. Kiev, 6–28.
- Karyshkovskiy, P.O., Kleyman, I.B. 1985: *Drevniy gorod Tira [The Ancient Tyras]*. Kiev.
- Kleyman, I.B. 1987: Izobrazheniye voina na fragmente rel'efa iz Tiry [The warrior's image on the relief fragment from Tyras]. In: *Novye issledovaniya po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya [Recent archeological studies in the North Black Sea]*. Kiev, 46–52.
- Kozlenko, R.A. 2015: Rimskiy fort na granitse Olviyskogo gosudarstva [The Roman fortress in the borders of the Olbian state]. In: *Laurea I. Antichnyy mir i Srednie veka. Chteniya pamyati prof. V.I. Kadeeva [Antique world and Middle Ages. Seminars in memory of professor Kadeev]*. Kharkov, 29–33.
- Krykin, S.M. 2010: Antichnoye «Gradishte» u sela Dolna Grashtitsa bliz Kyustendila (Bolgariya) [Antique «Gradishte» near the village Dolna Grashtitsa near Kyustendil (Bulgaria)] *Lukomor'ya. Arkheologiya, etnologiya, istoriya Pivnichno-Zakhidnogo Prichornomoy'ya*

- [*Curved Seashore. Archeology, ethnology, history of the North-Western Black Sea*]. 4. Odessa, 14–27.
- Krykin, S.M. 1992: *Deus Sanctus Porobonus*. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 140–147.
- Krykin, S.M. 1993: *Frakiytsy v antichnom Severnom Prichernomorie* [The Thracians in the antique Northern coast of the Black Sea]. Moscow.
- Krykin, S.M. 2007: Spartak: versii o ego proiskhozhdenii (nauchnyy podkhod vrazrez s literaturno-nauchnym) [Spartacus: variants of his origin (the scientific approach vs. literary and legendary approach)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] XVII, 66–80.
- Krykin, S.M. 2015: Terrakotovye «frakiyskie vsadniki» na Bospore [Terracotta «Thracian horsemen» in the Bosporus]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Moscow pedagogical university]. *Seriya «Istoricheskie nauki»* [Historical Sciences Series] 2 (18), 57–66.
- Latyshev, B. 1916: *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae* I. Petropoli.
- Matkovskaya, T.A., Tokhtasev, S.R. 2006: Maloizvestnye i neizdannye stely Kerchenskogo lapidariya [Little known and unpublished steles of Kertch Lapidary]. In: *Nauchnyy sbornik Kerchenskogo zapovednika* [Scientific miscellany of the Kertch reserve] I, 179–210.
- Saprykin, S.Yu. 2002: *Bosporskoye tsarstvo na rubezhe dvukh epokh* [Bosporian Kingdom at the turn of two epochs]. Moscow.
- Saprykin, S.Yu., Vinokurov, N.I., Belousov, A.R. 2014: Gorodishche Artezian v Vostochnom Krymu (ego zhiteli i kul'ty) [The Artezian Settlement in the Eastern Crimea (her citizens and cults)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 134–162.
- Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo. Gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [Pontic Kingdom. Greek and barbarian State on the Black Sea]. Moscow.
- Shchukin, M.P. 1994: *Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoy rekonstruktsii politicheskikh sobytiiy III v. do n.e.–I v. n.e. v Vostochnoy i Tsentral'noy Evrope* [At the turn of the century. An attempt of historical and archeological reconstruction of political events in the Central and Eastern Europe in the 3rd century BC to the 1st century AD]. Saint Petersburg.
- Tacheva, M. 1987: *Istoriya na bylgarskite zemi v drevnostta* [The history of Bulgarian territories in antiquity]. Pt. 2. Sofia.
- Tacheva, M. 1997: *Istoriya na bylgarskite zemi* [The history of Bulgarian territories in antiquity]. Pt. 2. Sofia.
- Treister, M.Yu. 1993: Rimlyane v Pantikapee [The Romans in Panticapeum]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 50–74.
- Vinogradov, Y.G. 1987: Der Pontos Euxeinos als politische, ökonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik. *Terra antiqua balcanica II. Acta centri historiae*. Trinovi, 9–77.
- Vinogradov, Yu.G. 1984: Dva bronzovykh kotla s grecheskimi nadpisyami iz sarmatskikh stepey Donbassa i Povolzh'ya [Two caldrons with Greek inscriptions from the Sarmatian steppes of Donbass and the Volga River Region]. In: *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya* [Antiquities of Eurasia during the Scythian and Sarmatian epoch]. Moscow, 37–43.
- Vinokurov, N.I. 2007: Izuchenie nekropolya gorodishcha Artezian v 2001 g. [Research of the Settlement Artezian necropolis in 2001] In: A.A. Maslennikov, N.A. Gavrilyuk (ed.), *Antichnyy mir i varvary na yuge Rossii i Ukrainy. Olviya. Skifiya. Bosporus* [The antique world and barbarians in the South of Russia and Ukraine. Olbia. Scythia. Bosporus]. Moscow–Kiev–Zaporozhe, 351–401.
- Vinokurov, N.I. 2001: Nadgrobnnye pamyatniki nekropolya i gorodishcha Artezian [The tombs in necropolis and Artezian Settlement]. In: *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period*

-
- antichnosti i srednevekov'ya: aktual'nye problemy khronologii* [The Cimmerian Bosphorus and barbarian world in the period of Antiquity and the Middle Ages: Actual problems of the chronology] (II Bosporskie chteniya [Bosporan Reading]). Kerch, 16–24.
- Vinokurov, N.I. 2008: Novye izobrazheniya vsadnikov na Bospore [New horsemen figures in Bosphorus]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 5, 70–86.
- Zubar, V.A. 1994: *Khersones Tavricheskiy i Rimskaya imperiya. Ocherki voenno-politicheskoy istorii* [Chersoneses Tauric and the Roman Empire. Essays on the military and political history]. Kiev.

ROMAN POLICY IN THE NORTH AND NORTH-WEST BLACK SEA REGION IN THE MID-1ST CENTURY AD

Nikolay I. Vinokurov*, Sergey M. Krykin**

*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

vinokurovn@list.ru

** Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia

smkrykin@mail.ru

Abstract. The mid-40's of the 1st century BC in Roman history is marked by several interesting events. The Thracian Kingdom became a Roman province. In the Crimea, Roman troops landed and participated in the overthrow of the legitimate king of the Bosphorus. The rulers of Thrace and the Bosphorus turned were relatives and acted in similar ways. There was a close connection between the actions of two Roman-landing forces.

The Thracian society developed along and simultaneously with the Greek civilization. The Greeks considered the Thracians to be barbarians. Century's later, historians declared Thrace as a part of the barbaric province of the progressive ancient world, a backward region with savage people and warlike robbers. The recent exploration of Scythian and Hunnish territories proved that some ancient peoples (and then of Middle Ages) could live according to different rules and principles. Their societies, settlements, economy, moral values were different, from the Greeks or Roman types.

The economy of ancient Thrace was based on agriculture in which the development of cattle compensated for the relative weakness of extensive farming. Such economy could not turn into the market and limited vital rates of the Thracian society that is why they were involuntary involved in robbing, fighting and mercenary.

Keywords: Rome, Bosphorus, Thrace, Bosporan–Roman War
